

Орхан ГУЛИЕВ

В КЛЕТКЕ СО ЗВЕРЕМ

КНИГА ТРЕТЬЯ

ОСКОЛКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Орхан Гулиев

**В клетке со зверем.
Книга третья. Осколки.**

«Автор»

2026

Гулиев О.

В клетке со зверем. Книга третья. Осколки. / О. Гулиев —
«Автор», 2026

Продолжение одной из самых жестоких историй взаимоотношений в мире войн. Отказавшись от процветающего насилия, после всепобеждающей поступи военного сапога, солдаты попадают в плен одного из самых зверствующих отрядов нового мирового порядка. Встав на сторону порабощенного населения, солдаты полностью разделили его тяготы, ни на секунду не задумавшись о дальнейшей своей судьбе. Эти события перемежаются с судьбами людей, проживающих на территории, находящейся вдали от военных конфликтов и борющихся с не менее простыми проблемами, поначалу кажущимися незначительными и легко преодолимыми. В мире, где растянуты сети пагубных страстей, липкими лапами, потерявших свой человеческий лик существ, уловляются души оступившихся. И оступившиеся иногда находят их и в самих себе

© Гулиев О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Орхан Гулиев

В клетке со зверем. Книга третья. Осколки.

.

ББК 84(2)

Гулиев О.

В клетке со зверем. Книга третья. Осколки: роман / Орхан Гулиев. – Владикавказ: Издательство “Литера” ИП Цопановой А.Ю., 2017. – 280 с.

ISBN 978-5-00081-158-0

*Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой её части запрещается
без письменного разрешения автора. Любые попытки
нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.*

Аннотация

Продолжение одной из самых жестоких историй взаимоотношений в мире войн.

Отказавшись от процветающего насилия, после всепобеждающей поступи военного сапога, солдаты попадают в плен одного из самых зверствующих отрядов нового мирового порядка. Встав на сторону порабощенного населения, солдаты полностью разделили его тяготы, ни на секунду не задумавшись о дальнейшей своей судьбе.

Эти события перемежаются с судьбами людей, проживающих на территории, находящейся вдали от военных конфликтов и борющихся с не менее простыми проблемами, поначалу кажущимися незначительными и легко преодолимыми...

В мире, где растянуты сети пагубных страстей, липкими лапами, потерявших свой человеческий лик сущностей, уловляются души оступившихся. И оступившиеся иногда находят их и в самих себе...

Воззвание автора

Люди, прошу вас, услышьте меня! Не поддерживайте войны! Поймите и донесите до себя, что кроме хаоса и смерти они ничего не могут принести в этот мир. В них подвергаются зверству дети, матери, отцы, – все люди... и отданные Богом на ваше попечение братья наши меньшие – животные. Задайте себе вопрос: «Разве бы мы хотели для своих близких такой участи?». Не оставляйте себя обездоленными сиротами в этом космосе. Искорените в себе желание создавать конфликты из-за религий – все мы протягиваем руки к одному небу! Искорените желание притеснять за цвет кожи или национальность – перед Богом мы все равны. В мире и так слишком много боли и страданий, и никто не знает, что случится с каждым из нас завтра.

Сегодня кто-то сильно радуется, пользуясь своей властью, что оставляет кровавые борозды на душе и теле ущемляемых людей, не могущих дать отпор, а завтра может и сам оказаться на их месте. Всевышний наградит их той же самой ситуацией, которую они создали для других. Даст понять им, что не нужно злорадствовать над чужим горем. Дарите надежду и протяните руку упавшему пред вашими глазами! Умоляю вас – найдите в себе человека, усмирите зверя!

Призываю молодежь! Скажите «НЕТ!» наркотикам и насилию! Нужен ли вам путь разрушения? Ведь такого не пожелаешь даже своему врагу...

* * *

– Господь пастырь мой. Не убоюсь нечестивых, яро выдвигающих вперед себя слова Твои. Грешники! Проклятые грешники кричат имя Твое, совершая то, чего нигде не было сказано Тобой! Ты примешь заблудшую душу! Развернешь небеса и покараешь тех, кто прикрывается именем Твоим, крича на весь мир, что несет Твои законы. О, Господь! О, Аллах! Имен Твоих не счесть в этом мире! Но Ты един. Ты над всеми, и видишь каждый шаг. О, Аллах, что творят с Твоими детьми на этой планете! Открой глаза заблудшим! – четырнадцатилетний мальчик стоял на коленях посреди городской площади. Ярко-голубые глаза взирали к небесам, в то время, как холодный нож прильнул к его горлу.

– Чертов полукровка. Твоя потаскушка мать отдалась аравийцу и выбросила на землю такое ничтожество, как ты! – палач чуть прижал нож к горлу ребенка, отчего по запыленной коже пробежала капелька крови.

Мальчик зажмурился: было видно, что страх пытается сломить его дух, но, сквозь слезы, ребенок уверенно устремил свои глаза к небу:

– О, Отец мой, о, Аллах! Не оставь безнаказанной пролитую кровь мою!

Окруженный солдатами Немец, опустив взгляд, отвернул лицо в сторону.

– Что же ты не смотришь, Немец? Почему не примешь его смерть достойней самого этого мальчика?.. Глаза! Я ХОЧУ ВИДЕТЬ ТВОИ ГЛАЗА! – взревел Роберт, держа холодное острие металла у горла мальчика. – Он встречает свою смерть лучше любого из стоящих здесь солдат. Никто!.. Никто бы из вас, здесь стоящих, ПСОВ, не встретил бы ее возвышеннее. Этот ребенок видел, как убивают его отца. На его глазах насиловали его мать... но он все равно вырывался к ней... и пытался сражаться. Так кто же здесь истинные герои? Солдаты, которые пришли на чужую землю, проливать кровь безоружных граждан или же те, кто, зная свою обреченность, встретили чужую армию с высоко поднятыми головами?

– Будь ты проклят, – вырывалось у Ганса.

– ТЫ! – Роберт гневливо направил нож в сторону Ганса. – Ты увидишь смерть каждого своего солдата!

Высоко в небе пронесся клич сокола. Возникла притупленная пауза.

– Прошу, отпусти его. Казни меня, – шептал Ганс, глядя на лидера отряда «96». – Отпусти ребенка. Ради всего, во что ты веришь...

Роберт искривлено ухмыльнулся.

– Я даю слово... Ангел, – вдруг резко позвал он.

Ангел медленно вышла из толпы. Когда она тяжело опустила свои руки на голову ребенка, мальчик и сам Ганс вздрогнули.

– Я даю слово. Но она...

Роберт передал разделочный нож мясника Ангелу.

– Нет, – словно в бреду произнес Ганс, зная, как долго и мучительно истязает своих жертв эта белобрыся девушка-военный, несущая в чужие земли лишь ДЕМОКРАТИЮ И МИР, – Только не это... Нет. НЕЕЕТ! – взревел Немец, пытаясь вырваться из крепких рук наемников, тисками удерживающих его.

Ангел подарила ему свою лошадиную улыбку, скорее похожую на нервную пародию улыбки маньяка, что не может вытерпеть ожидания.

– Все во имя Бога, – стоя позади Ангела, Роберт закрыл глаза и раскрыл свои ладони к небу, с ракурса Ганса могло показаться, что у Ангела четыре руки, одними из которых она....

– Нет, НЕЕЕТ!

– Господь един, – закрыв глаза, ребенок опустил голову.

В клетке со зверем

Книга третья

Граница Аризоны, США

Осколок разбитой судьбы

В недалеком будущем

– О, Боже...

Шаги его стали медленней – он больше не шел, а просто волочил ноги, бороздя ими осколки прошлого: полусгоревшие вещи, старые газеты и чьи-то фотографии. Не замечая, он прошелся по чьим-то деньгам и документам. Невдалеке валялась детская кукла, замысловато глядя своим обожженным лицом на пораженного шоком незнакомца, который не замечал никого и ничего вокруг, кроме того родного, ради которого он и жил все это время...

Дрожащими руками он попытался потянуться к лицу ребенка, с застывшим, недетским укором на нем.

– Только не ты... Только не ты! – упал рядом, подобно поверженному зверю. Лицо его дрожало, рот открылся, но не смог больше вымолвить слов.

Странник чувствовал, что царящий вокруг хаос обручем страха охватывает его грудь: обломки упавшей махины были повсюду, но среди них он каким-то чудом нашел тех, кого искал. Глаза обезумели. Он впился в грудь своими отросшими ногтями. Руки пошли вниз по груди, сдирая рубашку и кожу – он, подобно взбесившемуся зверю, стал драть свою грудь, словно пытаясь высвободить душу. Разрываясь в немом крике, жадно собрал в ладони пепел, и, приложив его к лицу, взревел отчаянным ревом, упав лицом на землю рядом с маленьким изломленным телом. Птицы взлетели в небо, в ужасе разлетаясь от него в стороны: хлопот их крыльев лишь добавлял отчаяния в его сердце. Он рефлекторно, затравленными глазами поднял глаза к небу. Над головой его кружились вороны. Зверя загнали в клетку...

– Папа...

О, этот детский, невинный голосок, он вырвал его из лап отчаяния...

– Что же ты делаешь, папа? Зачем ступаешь на этот путь? Зачем я слышу эти мысли?

– Мой родной, – выдавил он из себя, дрожа, лихорадочным голосом, подползая к ребенку... Рот искажала боль, заплаканные глаза так жалобно смотрели на свое дитя.

Зверь брал в свои ладони обгоревшие ручки и пытался вдохнуть в них жизнь.

– Моя детка. Как больно... Как же тебе было больно! – вновь взревел он. – Папочка пришел. Папочка рядом.

– Ведь ты больше не оставишь нас? Я всегда так ждал тебя, – голос его дитя разрывал его душу, странник захлебывался горечью, подступающей к горлу, качая на руках, среди обломков, свое дитя. – Мы ждем тебя, папочка.

– Нет, – вдруг резко ухмыльнулся он, бездушными глазами, не выдающими больше никаких эмоций, уставившись вперед себя.

Отец встал на ноги и поднял ребенка с холодной изморози.

– Я отомщу... За Вас. За все! За всех, кто не увидел счастья в этом мире. ГОСПОДЬ!
– взревел он снова к небесам, держа в своих объятиях свою последнюю надежду, которую

вырвали из его жизни. – Я бросаю Тебе вызов. ВОТ ОН Я! Стою перед Вами! КРИЧУ ВАМ! – послушался хруст зубов – зубы зверя плотно сомкнулись. – У Тебя появился еще один враг... – он глянул на свою жену, лежавшую чуть в стороне от него. Израненную, припорошенную сухими листьями. Весь ее вид говорил лишь о борьбе... Борьбе до последнего вздоха. Она, в посмертной судороге, скрученными пальцами вонзилась в землю, как будто хотела все еще встать, и, словно поняв, что на это у нее уже не хватит сил, навечно, умиротворенно закрыла глаза.

– Этого не может быть. Нет, нет, нет, нет...

– Да, папа. Катастрофа не стала для нас смертью. Небеса не убили нас. Это ли не чудо?

Мы выжили.

– Кто же?... Кто же вместо помощи так поступил с вами?... ГОСПООООДЬ!!! – вновь взревел он, подняв голову к небесам. – ПОЧЕМУ?! ПОЧЕМУ ТЫ ДАЕШЬ ИХ НОГАМ НОСИТЬ ИХ И ПОПИРАТЬ ТВОЮ ЗЕМЛЮ?! ПОЧЕМУ ДАЕШЬ ВДЫХАТЬ ЭТОТ ВОЗДУХ?!..

Странник подошел к своей жене. На обнаженной, тронутой тленом груди ее было вырезано: «ЖИВУЧАЯ СУКА»

– Ты замкнул клетку. Клетку со зверем... Но остался в ней сам, – договорил слова свои странник.

Кроваво-алое солнце наполовину спряталось за горизонтом.

Семья его... Сын и жена его лежали рядом друг с другом. На фоне лежащих тел возвышалась канистра бензина. Путник потянулся к трупам ребенка и поцеловал его в когда-то ясный лоб, теперь покрытый лиловой печатью смерти, затем потянулся к жене. Поцеловав в щеку, тихо произнес:

– Настало время полной свободы. Ты свободна, моя родная... Береги его... И ждите... Папочка скоро будет.

Саудовская Аравия

Наши дни

Время намаза

– ОТПУСТИ, ОТПУСТИ ЕГО! ЧТО ЖЕ ТЫ ДЕЛАЕШЬ?!..

– НЕТ!..

– О, Аллах!..

– Нет!..

На городской площади стоял дикий вопль, разносящийся по всему городу. Улыбаясь, Ангел томно взглянула на выстроенных в ряд пленных, среди которых были жители города и примкнувшие к ним военные. Эхом раздавался плач, проникая сквозь дыры и расщелины, сквозь комнаты разрушенных зданий. Плач этот, отскакивал от серых стен, от уцелевших стекол, пробивался в самую душу, разрывая сердца. Плач младенца, которого так нежно укачивала Ангел.

– ДЕМОНЫ! ПРОКЛЯТЫЕ ДЕМОНЫ!..

– БУДТЕ ПРОКЛЯТЫ!..

– ОТПУСТИ ЕГО, НЕ ТРОГАЙ!.. – истошно взмаливались люди, молясь лишь о том, чтобы из мечети не слышалась молитва муллы.

– Что же вы не призываете своего Бога?! – вскричал Роберт, разведя руки в стороны. – С минуты на минуту давайте все вместе поклонимся!

В это мгновение слышался протяжный, тяжелый и обессиленный голос муллы.

Ангел потянулась за поцелуем.

– ВО СЛАВУ АЛЛАХА! – поднял руки к небу Роберт.

Многие упали лицом в песок, и не в силах встать, заливались рыданиями, прижимаясь лицом к земле, в безумии загребая ее зубами.

– СУКА! – взревел Немец, искажив лицо в плаче, когда Ангел, оскалив зубы, с наслаждением подняла голову вверх.

По лицу ее, подбородку, шее стекала кровь. Она торжественно подняла над собою окровавленного младенца, который, все еще шевеля ручками и ножками, пищал, захлебываясь прорывающейся теплой кровью.

– Специально для наших гостей! Как и обещали! ВЫВОДИТЕ!

От его свирепствующего крика застывала кровь в жилах. В глазах Роберта... я видел лишь жажду крови... Нашей крови. С самого моего рождения я видел то, как нас притесняют за нашу веру. Я не застал того времени, когда мы могли просто поклониться нашему Богу – неважно где. В мое время – это стало преступлением! Кто-то решил, что может обливаться нашей кровью, сравнивая всех мусульманских людей с так называемыми террористами, наемниками, продажными охотниками за головами. Кто-то сказал всему миру, что мы враги общества. Сначала, на нас могли надменно смотреть и сквернословить за спиной, а затем, заявили, что нас можно бомбить и убивать. Убивать целые наши страны. Убивать женщин и детей, гордо неся перед собой слово о какой-то помощи и избавлении, лживо пряча за спинами несущий ими же мировой хаос, в котором гибнут простые люди всех вероисповеданий.

– Самир! Наш маленький Иуда, – он решительно направился к Самиру.

Моментально и уверенно схватил его рукою (рука его, словно стальная клешня обхватила горло, отчего Самир поперхнулся, точно почувствовав на шее горячую толстую удавку) и выволок скованного наручниками парня из толпы заключенных, что стояли в ряд около полуразрушенной стены центрального городского здания.

– Как же так получилось, что ты пришел с оружием именно в свой город? Злая шутка судьбы? Или наш скромный саудит решил заглянуть в гости давно забытого крова?

Крепко держа за горло Самира, Роберт пытался как можно сильнее сдавить его гортань...

– Смотри в мои глаза, – прошипев подобно змею, Роберт обнажил свой кривой оскал. – Чувствуешь? Это смерть. Она так хочет тебя. Летает вокруг нас, и так и ждет принять тебя в свои объятия.

– Он-на ж...ждет... тебя! – сквозь тиски Роберта проговорил разбитым ртом Самир, приговорно-утверждающе, и харкнул сгустком крови в его лицо.

Роберт мгновенно вытащил армейский нож из кобуры...

– НЕТ, НЕТ, МАМОЧКА! – один из военных отряда «96» выбросил из здания женщину. Упав на землю лицом, она боялась поднять голову. Ее черные, растрепанные и в то же время роскошные кудри прятали ее лик и плечи. За нею и военным выскочила маленькая девочка, лет пяти. Военный с силой схватил женщину за волосы и поволок по земле к центру. Девочка рыдала и на четвереньках, падая лицом в горячий песок, подобно дикому зверьку бежала, пытаясь добраться до ног матери.

– ОСТАВЬТЕ ЕЕ! ОСТАВЬТЕ ЕЕ!!!

Роберт обернулся на крик, держа армейский нож в застывшем ударе. Бешено обернувшись на Самира, он резко ударил его головой в лицо, и оттолкнул от себя в сторону стоящих в ряд пленных.

– Тебя спас ребенок, Самир.

– ИСЛАМ! ЗАБЕРИ ЕЕ, ИСЛАМ! ИСЛАМ! – кричала женщина, хватаясь руками за волосы, которые плотно намотал на свою мозолистую руку военный, волоча ее по камням и песку.

Из полуразрушенного здания неуверенно выскочил мальчишка – ему не дашь и десяти лет. Он обернулся на стоящих в ряд пленных, глаза были заплаканы.

– ЗАБЕРИ СЕСТУ, ИСЛАМ! – кричала мать.

Мальчик растерянно кинулся за сестрой, напоровшись на удар солдата, который тыльной стороной руки отмахнул мальчишку к руинам.

– Стой! Не трогай его, – вмешался Роберт. – ПОДНЯТЬ!

Мальчишку приволокли к лежащей на площади матери, к ногам которой припала маленькая девочка.

– Какие у тебя красивые волосы, – улыбнулась Ангел, глядя на женщину сверху вниз, стоя рядом с ней.

– Восточная красота! – пропарировал Роберт, подтаскивая мальчонку. – Восток весь очень красив, правда, Ангел? – Роберт оглядел руины. – Был, до того момента, как мы пришли сюда, – ухмыльнулся он.

– Господи... Господи, когда же это закончится? – шепотом повторял Бадди.

Очки его криво держались на его лице. Закрыв глаза, он безостановочно молился. Молился так же, как и простые жители города, только на своем, далеком от здешних мест, языке. Из военных в пленной шеренге так же, как и Бадди, стояли Немец, Самир и Ленни. Остальные военные были в подвальных клетках с другими жителями города. Самир вновь обратил свой взгляд на Роберта.

– Тебя зовут Ислам? – наклонился тот к мальчишке.

Мальчик, упираясь руками в песок, затравленно глядел на него, учащенно дыша. На глаза его наворачивались слезы.

– Ты любишь свою сестру?

– ОСТАВЬТЕ, ОСТАВЬТЕ МОИХ ДЕТЕЙ! – кричала мать.

Военный с выпирающим вперед подбородком шел с тяжелым топором. Услужливо передал его Роберту.

– СДЕЛАЙ ЭТО!.. СДЕЛАЙ!.. – нарастающим, призывным тоном начали выкрикивать военные отряда «96».

– Тебе придется это сделать, – спокойным голосом произнес Роберт, глядя на мальчишку.

– ...СДЕЛАЙ! СДЕЛАЙ!..

– Чтобы спасти сестру... Иначе вы все здесь умрете.

– Нет... нет... – замахал головой Ислам.

Он столкнулся взглядом с Самиром.

– Не смотри на них, – продолжал Роберт. – Все зависит от тебя... Бери.

Мальчишке протянули топор. Один из мужчин вырвался из пленной шеренги.

ВЫСТРЕЛ...

Крики и плач заметно утихли.

Все внимание заострило на себе дуло револьвера в вытянутой руке бугая с большим подбородком, который принес топор.

Вырвавшийся в сторону намечающейся казни мужчина оцепенело остановился и медленно коснулся своей груди: через дранную рубашку быстро проступила кровь.

– Упс, какая неудача, – цинично произнес Роберт, наблюдая, как раненный мужчина свалился в песок. – Ислам. Эй! – щелкнул он перед лицом мальчика пальцами. – Начинай.

– РУБИ! РУБИ!.. – басом кричали военные.

Мать детей положили лицом на окровавленный камень.

– ... РУБИ! РУБИ!..

– Ради сестры.

Ислам в ужасе посмотрел на мать.

– Прошу тебя, сыночек... – захлебываясь слезами, произнесла она. А затем посмотрела на дочку, которую держала Ангел. – Не бойся.

– Мама! – рыдая, вскрикнул Ислам.

– Сделай это.

– Ради сестры, – словно демон, встревал Роберт. – Сделай это.

– ...РУБИ! РУБИ!..

– Нет, НЕ-Е-ЕТ!.. – кричала маленькая сестра.

– Сделай, сыночек...

– ...РУБИ! РУБИ!..

Он с трудом поднял тяжелый топор.

– НЕТ, ИСЛАМ, НЕ-Е-ЕТ!!!

Кованная сталь заградила солнце от матери.

– НЕ-ЕТ, ИСЛАМ, Н-Е-Е-Е-ЕТ!!!.. – вырывалась из рук Ангела сестренка.

По лицу матери потекла слеза.

Ислам закрыл глаза.

– НЕ-Е-ЕТ, НЕ-Е-Е-ЕТ!

– ...РУБИ! РУБИ!..

ПИСК... ПИСК В УШАХ.

На ватных ногах, Ислам начал отходить назад.

Лицо матери исказилось в непередаваемой боли: рот открылся в спазме, глаза оторопело, беспомощно блуждали по лицам. Ислам упал на колени. Лицо матери было напротив.

– УХ, ТЫ! Вот это удар! – как-то очень отдаленно, словно из ниоткуда, послышался голос Роберта, который ходил вокруг умирающей матери, рассматривая ее со всех сторон. – Сынок, да ты просто мастер!

Ислам медленно, точно пробираясь сквозь сгустившийся воздух, потянул к ней руку, желал, но не мог прикоснуться к ее лицу дрожащей рукою.

– Парень... Э-эй!.. Ты чуть промахнулся. Попал ей по позвоночнику. Ты слышишь меня?.. Продолжай...

Как в замедленной съемке, падая лицом в песок, ползя к матери, всеми силами (его тело онемело) пытаясь дотянуться до ее слабеющей руки, Ислам разрывался в неистовом, обреченном крике... бесшумном для его сестры, которая, открыв рот, не могла больше кричать. Она умирала вместе с последними вздохами своей матери.

После казни...

– Странно, почему прекратилась молитва?

– Может, старик дубу дал? – посмеивались двое идущих в мечеть военных.

Они открыли двери храма.

– Какого...

– Крэйн! КРЭЙН!

Среди полного мрака, прорезаемого лишь широкими лучами света, что прорывались сквозь разбитые оконные рамы и дыры от крупнокалиберных пуль, стоял спиной к ним темный силуэт. От него, казалось, исходил небольшой свет.

– Где Крэйн? Ты слышишь меня?!

– Что он делает?

– Стреляем?

– Запрещено! Он нужен нам до конца.

Они подходили ближе.

– Где военный, которого с тобой оставили, старик?

Наемники подошли настолько близко, что один из них уже потянулся к плечу...

Из рук выпала горящая военная зажигалка.

– Горите в аду!

– ЧТО ЗА...

От ног старика в рубище поднялось пламя. Он попытался схватить одного из солдат.

– В СТОРОНУ, УАЙТ, В СТОРОНУ! НЕ СТРЕЛЯЙ!

Крича от неистовой злобы, что не может дотянуться до врага, горя точно факел, старик в последнем смертельном порыве бросил свое тело в сторону одного из наемников...

У входа стояла Ангел.

– Что вы сделали? – Он поджег себя.

– Велено же было охранять его.

– Мы не причем.

– Плевать.

К этому моменту старик уже упал в темной стороне храма, больше не крича и не двигаясь, продолжая полыхать всепожирающим огнем. Один из военных направился в его сторону.

– Тут Крэйн. Он убил его.

– Что будем делать, Ангел?

– Сожгите здесь все... Начинается буря.

– Еще один раз, – молящий голос. – Это последняя.

– Ты всегда так говоришь.

– Клянусь...

– Кем ты еще не клялся?

– Просто... – дрожащие руки попытались потянуться к ней, – дай мне сделать это.

– Нет, – твердо ответила она. – С меня хватит... Уилл?

Зрачки его сузились, походя на маленькие точки. Зубы скрежетали. Лицо побледнело – по нему стекал холодный пот.

– Уильям, нет!

Он моментально вскочил с места и кинулся к матери, с невероятной силой отпихнув ее в сторону. Маргарет упала на пол, вновь разрыдавшись на весь дом.

– Уильям, сыночек мой! – причитала она, закрывая лицо руками. – Да что же это такое! О, Бог мой!.. Господь!.. Помогите нам...

Осколки...

Часть 1

– Меня зовут Уильям Блейк. И я в клетке со зверем, пожирающим меня изнутри.

Клуб анонимных наркоманов...

Суббота...

15:45...

– Здравствуй, Уильям! – хором произнесли присутствующие.

– Друзья зовут меня Уилли... Вы тоже можете звать меня так, – словно с ужасным трудом переборов внутреннее сомнение, добавил он.

– Ничего себе! Уильям Блейк – прямо как известного художника и поэта! – не сдержалась рыжеволосая девушка. – Уилли звучит как-то странно, вам больше подходит Уильям.

– Давайте сначала выслушаем нашего нового друга, – спокойным тоном проговорила психолог.

– Простите, я забыл, как Вас звать, – обратился он к психологу.

– Зовите просто Ольга. Поделитесь с нами своей историей, Уильям. Здесь все свои.

– Я даже не знаю, с чего начать, – скрестив руки перед собой, он обреченно склонил голову долу, словно ожидая палача.

– Смелее, Уильям.

– Всегда поражался людям, которые могли вот так вот просто взять и рассказать о себе все с самого начала и до конца, вывернув себя наизнанку, – ухмыльнулся он, – Я всегда мечтал стать деловым человеком, а стал, сами видите кем. Стал тем, кем вы меня сейчас видите – от своего безволия... – он расплакался и, сквозь давно томившиеся слезы, оглядел всех затравленным взглядом. – Простите меня... Я никогда не мог красиво говорить... Я простой человек, который хотел лишь жить просто, как все. Увы, не всегда, даже самые маленькие и нелепые наши мечты могут стать явью для нас. Для вас я – слабый человек, не достигший даже самого малого в этой жизни. Я хочу выйти на улицу. Оглянуться по сторонам. Вокруг идущие люди. Они все в своих заботах. Каждый идет своей дорогой, и пытается решить свои проблемы. У многих они лишь – их поставленные цели. А я... – он плакал подобно маленькому ребенку, только что увидевшему трупы своих родителей. – Я лишь отброс общества, который не добился в жизни того нужного, которое установлено нам здесь заветом... Но разве я один такой в этом мире?.. Изгой. Вы отворачиваетесь от таких людей. Считаете их слабыми... Но кто вы сами?.. Проходя, лишь одаряя таких людей своим пренебрежительным взглядом, – **КЕМ ЯВЛЯЕТЕСЬ ВЫ?**

Я часто мечтал влиться в самую точку эпицентра всех этих снующих людей, которые круглые сутки бегают, пытаюсь чего-то добиться в этой жизни, давно забыв об истинных ценностях этого мира, в который они попали не просто так...

Возникла пауза.

– О чем Вы мечтали? – не найдя лучшего вопроса, спросил психолог, удивленно глядя на Уильяма.

– Упасть на колени, и, взревев к небесам, разорвать на себе одежду... Припасть лицом к земле... а затем взглянуть на всех удивленных людей, которые останутся, чтобы посмотреть на меня... И спросить их... Когда так стало, что человеку больше нет ни до кого дела, кроме него самого? Люди! Я хочу вам кричать! Что с вами стало? Я знаю, что я самый низкий человек в этом мире, не заслуживающий вашего внимания, но **ОГЛЯНИТЕСЬ!** Оглянитесь назад. Кого вы оставили на своей дороге? Разве вы не вспомните таких людей? Не вспомните тех, кто нуждался в вас, а вы просто ушли?

– Кто Вы, мистер Уильям? – приспустив на кончик носа очки, произнесла психолог, где-то даже укоризненно взирая на наркомана.

– Я бездушный человек, говорящий вам всем в лицо, задающий вопрос, **ТОТ**, что вы все, **ВЕРУЮЩИЕ, ПРАВИЛЬНЫЕ И САМЫЕ ЛУЧШИЕ**, не можете задать сами себе. Когда случилось с вами то, что сейчас вы принимаете за обыденность?

– Я имела ввиду то, кто Вы в жизни... Не считая Вашего пристрастия. Чем Вы занимаетесь... Ну, или занимались когда-то.

– Я простой музыкант. Еще в школе я создал группу. Мы успешно выступали в нашем городе. Вскоре мы стали самыми популярными в нашем штате, а затем, нас услышала и вся страна. Группа «Осколки».

– «Осколки»?

Все начали переглядываться, бурно заговорив между собой.

– Вы Уильям «Октар»? – удивленно произнесла одна из сидящих в кругу. – Боже, что с Вами стало? Я бы никогда не подумала...

– Никто не знает, что с ним случится завтра. Никто не должен смотреть на человека с высоко поднятым взглядом, ибо ты сам не знаешь, на чьем месте ты окажешься, не успев даже моргнуть.

– Как так произошло, что Вы до такого докатились? – тихо выговорила психолог.

– Мои руки... Посмотрите на них: красные, словно отварные клешни рака, будто вот-вот лопнут... Никто больше не узнает мое лицо. Я и сам порой не узнаю себя в зеркале...

– КАК? – не выдержав, проговорила задавшая только что вопрос женщина в кругу анонимов.

– Я просто показал слабость. Позволил слабость самому себе. Почувствовал, что все идет на одной волне, которая несет меня к раю. Я даже не удосужился задать себе вопрос: «Что ты делаешь, Уильям?». Сначала марихуана, потом кокс, амфетамины, различные наркотики, какие только могут прийти в голову. Затем... Героин. Всего пару лет, И Я ДАЛ СЕБЕ СЛАБИНУ. Дал возможность уничтожить себя самому главному врагу... – СЕБЕ.

– Вы не смогли выбраться из Вашего положения?

– Как видите. Мы подписали много контрактов с известными студиями. И должны были отправиться в гастрольный тур по Америке. К концу года мы должны были начать свое турне по всему миру... Но я крепко подсел. Очень быстро, и крепко. Были дни, когда я даже не мог встать с кровати. Вскоре группа распалась. Но мне все равно нужна была доза. Как и многих талантов, нас быстро забыли. Я не знаю, да и не интересовался даже в первые дни, куда отправились, подевались мои друзья – остальные участники группы. Никому из них больше не было до меня дела. Они злились на то, что именно я все разрушил. Я все еще танцевал, пел, в клубах. Затем в дешевых заведениях. Барах. Вскоре докатился до метро. Танцевал и пел за мелочь, за то, что дадут. В тот период я впервые вкусил настоящие плоды кайфа – ломку... Ломка, когда не хватает дозы...

– На что Вы пошли, Уильям?

– Я был в той ситуации, когда мог выпасть жребий, подобный лезвию бритвы. Он мог быть таким, когда бы не спрашивали твоего согласия.

– Ты, значит, Уильям «Октар»?

Ульям, чуть отступив, пытаясь сдерживать дрожь, не смел поднять глаз.

– Парни, гляньте, то самое молодое дарование! – подзадоривал остальных мужчин в комнате огромный темнокожий качок. На шее у него красовалась цепь. На столе перед всеми разбросано валялись помятые доллары. Некоторые из присутствующих курили кальян. Доходивший до Ульяма запах «особой» смеси кальяна еще больше заставлял дрожать его руки... еще больше заставлял его кровь вскипать в венах, пульсирующее ударяя в виски.

– Но тебе ведь не это нужно? Верно, Уильям? Тебе нужно то, чего у нас нет. Оглянись назад, Ульям. Что ты слышишь?

– Шум.

Шмыгая носом, темнокожий парень встал из-за стола и направился к Уильяму. Любезно приобняв Ульяма за плечо, подвел к выходу. Оба они стояли на втором этаже огромного помещения. Над их головами, в полумраке, в такт современной музыки играли разноцветные лучи света. На сцене, под Уильямом и темнокожим качком, выступал почти такой же накаченный темнокожий парень, только чуть выше хозяина клуба: на шее его блестели золотые цепи, на руках красовались иссинне-черные татуировки. Певец отложил микрофон и взял в руки бутылку шампанского. Подошел ближе к краю сцены. В полумраке к нему сразу потянулись руки танцующих. Он взболтал бутылку и приставил к паху. Имитируя мастурбацию, открыл шампанское, разбрызгивая пенистый напиток на молодежь: музыка играла очень громко, но визжащие крики веселящейся и танцующей молодежи все равно перебивали ритмичные звуки песни.

– Это современный мир, Уильям.

– Что ты хочешь услышать от меня?

– Хочу спросить тебя, почему почти все думают, что они хозяева своей жизни? Отречение. Отречение правды. Что ты слышишь, Уильям?

– Я не могу сказать.

– Шум молодежи... Они радуются, веселятся. Их ничего не гложет. Сюда они пришли отдохнуть и забыться. Их радость – всего лишь иллюзия. Ловушка. Хоть один из них знает, что такое жизнь? Некоторые из них живут за счет своих родителей, большинство уже за свой счет. Но всех их связывает одна единая система, которая уже никогда их выпустит. Не их, не их детей. Система навязала им отдавать свою жизнь за то, что им внушат. Начиная с самого утра, они загружены проблемами, работай, болезнями и суетой. Им говорят – они пашут, и иначе уже невозможно жить, так как система поглотила всех. Мы подобно крысам в лаборатории, бегаем по кругу пластмассового колеса. Всем нам навязывают иные истины. Каждый из нас должен бегать в колесе, пока не сдохнет. Сменяются кумиры, Уильям. Рушатся империи. Но система остается. Показали новый телефон – все они вылезут из кожи, но купят его. Сказали, что нужно расслабляться именно так, как они делают сейчас – и никто из них даже не удосужится подумать как-то иначе. Ведь большинству даже не дали выбор.

– Ты просто под кайфом, Макс, – отвернул от него лицо Уильям.

– Я? – ухмыльнулся тот. – Я стал трезвей, чем когда-либо был в своей жизни. Я много думаю, Уильям. Да, я Макс! Мое имя есть суть моей натуры. Потому, что я живу по максимуму! И меня сильно огорчает тот факт, что людей отводят многочисленными проблемами от истины. Никто, из здесь присутствующих, больше не размышляет о духовном. Никто не может позволить себе то, что он на самом деле хочет, но и тут нас успокаивают, говоря, что это правильно, предоставляя нам глупые альтернативы, вроде этой же ночной вечеринки. В свое время я мечтал стать великим писателем. И поставил себе цель. Каждый день писал по одной страницы в день. У меня неплохо получалось... До того момента, пока один за другим не умерли мои родители, оставив меня одного в небольшой квартирке, что находилась на окраине черного квартала. До своей смерти, отец всеми силами делал так, чтобы семья не нуждалась и не затягивала туго животы. Он уходил рано утром, когда я еще крепко сопел на подушке, и приходил поздно вечером, когда я уже ложился спать. В детстве я обижался на него, делая вид, что не замечаю его персоны, когда мы иногда пересекались в выходные дни. Он ничего не отвечал и лишь опускал лицо. Однажды, после того, как он пожелал мне доброго утра, я не ответив, закрылся в ванной, а потом, выйдя, увидел, как он, опустив лицо, плакал прямо над тарелкой супа... И я задумался. Может, это и не от него зависит вовсе, что он практически не видит свою семью. Что круглыми сутками пашет где-то для того, чтобы я даже не знал, как зарабатываются эти деньги. А, может, он хотел совсем другой участи для себя?

Моя мать также работала. Отводили меня в школу, а потом меня забирала тетушка. Все шло очень хорошо, детство у меня было отличное. На восемнадцатилетие папа подарил мне машину, которую я почти сразу умудрился разбить. Мне никто ничего не сказал, и я особо не парился за то, как достались те деньги, которые выделил мне отец на машину. Мы не думаем о цене, пока сами не придем к ней. Я посмотрел на своих родителей... Они были такие покорные, понимаешь, да? Они сказали мне: «самое главное, что ты цел». И вдруг во мне что-то щелкнуло. После этого я сказал себе, что больше никогда не сяду за руль автомобиля. Я попросил жизнь, чтобы у меня был личный шофер. И жизнь, видимо, по-своему услышала меня.

Спустя полгода умерла мама, а затем и отец. Отец при мне особо не распространялся о своей работе. Но именно после его смерти я узнал, что он работал шофером – возил молоденького хмыря из семьи новоявленных выскочек, ублюдков, не знающих сострадания, ни к кому, и ему там многого пришлось навидаться. И мне сразу перехотелось иметь личного шофера, ведь в глазах сразу появлялось измотанное лицо отца. Лицо, в котором давно не было искорки жизни, лишь желание сбегать свою семью.

Когда закончились деньги, я забыл и о своей писательской мечте. За книгу, которую я почти дописал, сплетенную из юношеского энтузиазма и верой в светлое будущее, я сажился все реже и реже. Не знаю, что было бы со мной, если бы не мой дядя... Дядя, брат моего отца,

муж тетушки, что каждый день забирала меня со школы, пока мама и отец батрачили. Тетушка к этому времени тоже почил, уже два года как...

– Зачем ты мне все это рассказываешь? – посмотрел на него Уильям. Но Макс словно и не слышал его.

– Он принял меня в свой дом. И постепенно показал как работает он сам... Когда хочешь выжить, ты пойдешь на все. Ты забываешь все принципы и мечты, – злобно посмотрел на Уильяма Макс. – Ты забываешь своих родных. Ты попадаешь в безумное колесо, по которому крутишься и не можешь остановиться, чтобы вздохнуть, понимая, что твоя безмятежная жизнь зависела лишь от тех близких, кто крутился и за тебя в этом проклятом колесе. Я, в отличие от тех, кто сейчас веселится в моем клубе, знаю цену деньгам. И как бы я не понимал, что все мы находимся в западне, я не могу вырваться из нее. Система держит и меня. Как и всех! У всех одна лишь проблема – деньги – главный идол нашего мира! Они так въелись в наши мозги, что мы больше не думаем ни о чем, кроме них. Нет, нет, услышишь это еще раз. НАМ НЕ ПОЗВОЛЕНО ДУМАТЬ, О ЧЕМ-ЛИБО, КРОМЕ ДЕНЕГ! Все ведет к ним. И хоть вылезти со своей шкуры, ты не изменишь систему. Будут деньги, будет жизнь. Будут деньги – будет отдых, будет семья и здоровье. А что еще надо? Но никто не сказал нам, что деньги дадутся так просто. Зарабатывая их, многие из нас теряют ту же жизнь, отдых, семью и здоровье. И когда, подобно загнанной лошади, мы останавливаемся, и больше не можем волочить свои лапы, откармливая распухших дяденек с их бездонными карманами, которые и придумали всю эту систему, жирея от нашего труда и кидая нам копейки, чтобы мы не останавливались, когда мы понимаем, что это были наши последние усилия. И вот приходит момент – мы оглядываемся назад, а затем смотрим на себя... И понимаем, что жизнь вся и ушла в погоне за этими деньгами. И многое, что мы так желали, и вовсе не нужно нам... ты думаешь, я молодой парень? Я просто знаю, как жить, не усугубляя свою жизнь, не гробя здоровья, не гонясь за всякими игрушками и цацками, типа тех же телефонов, за которые многие из этих сосок вниз, – гневливо указал он вниз, на танцующих, – возьмут у меня в рот!.. Но, даже такие, как я, которые поняли весь прикол этой блХХХкой жизни, не могут вырваться из непробиваемой системы. Мне остается лишь волочить свой век, держась на плаву столько, сколько я смогу. Радую себя маленькими мелочами. В жизни этой я понял, что не нужно ставить себе запреты, если ты хочешь чего-то добиться. Надо лишь делать так, что запреты бы, которые ты переступил, не превратились для тебя отходной молитвой. А когда ты переступаешь их... Переступаешь столько, что и не знаешь, как можно было переступить столько запретов, пойти на такое, на что пошла твоя душа?.. И уже начинаешь плевать на то, что день изо дня твоя проклятое естество продолжает нарушать все каноны и правила, которые не смогли вывести к лучшему твою жизнь... Сколько мне, Уильям?

– Тридцать?

– Мне сорок два года. Когда я только вступил на плохую неровную дорожку, я постепенно начал придерживаться лишь одного девиза... Нужно ебХХХть систему, но так, чтобы она тебе ничего не сделала. А значит – встать в ряды с теми, кто ею рулит. Сейчас же изменилось лишь построение предложения. Все стало очень порядочно, как и в моей жизни, но суть не изменилась. Моя юность была такой же провокационной, как и мой старый лозунг, тогда еще не до конца осмысленный мной. За что я и поплатился несколькими годами в тюрьме за разбой. Благо, моя распушенность и отмороженный циничный характер, говоривший, что я пойду на все, нужен был в тот период одному человеку, который и помог мне вскоре выйти досрочно. В тюрьме я понял, что вел себя совершенно неправильно. Авторитеты, с которыми мне довелось свидеться, никогда не позволяли себе ругаться матом, крикнуть и вести себя ненадлежащим образом – вызываяще. Чтобы тебя слышали – не надо кричать. Говори тихо, редко и весомо, и к тебе будут прислушиваться, чтобы уловить твое слово. Сильная личность неотличима от самого уравновешенного и культурного человека. Ты сразу возведешь его в ранг интеллиген-

тов, о которых в жизни не подумаешь, что они могут держать в своих руках нити управления. Но вот их взгляд... Это парочка людей, которых я повстречал на своем пути, управляли окружающими лишь взглядом. Не крича. Не матерясь. Лишь глянет – и свита тут же приструнивалась. Мне конечно далеко до таких людей, – Макс тяжело вздохнул, – но, после них, я всегда стараюсь быть культурным. Стараюсь, заметь. И я горжусь, что имел честь общаться с теми людьми. Но я знаю, как бы я ни старался, – мне с такими людьми и рядом не стоять. Видимо, все заложено в самом индивидууме. И какой бы путь он не выбрал, рано или поздно, вылезет наружу – зверь он или человек. Зайдем-ка обратно, Уильям.

Макс дал Уильяму войти в помещении первому.

– Парни, я хочу расслабиться.

Один из парней быстро полез в ящик стола. На столе уже лежала горка белого порошка.

Макс направился к своему месту, на ходу достав из кармана платиновую карточку.

Уильям отошел в тень, следя за Максом.

– Люблю я Мексику. У них всегда отличный товар, – произнес Макс, сев за стол.

Он разделил горку на две дорожки. Скрутил в трубочку стодолларовую купюру и нагнулся к кокаину.

Остальные, словно волки, выжидаяще следили за вожаком.

– Да-а-а, сука!.. СУКА! – захрипел Макс, опрокинув голову.

– Как Вы, Босс?

– АхуXXXно.

Утирая нос, Макс искоса посмотрел на Уильяма.

– Хочешь? – спросил он Уильяма. – За кокаин даже не думай. Мы бы дали на понюшку восходящей звезде то, чего у нас вдоволь. Но тебя это лишь еще больше заставит страдать по тому, чего ищут твои глаза. Нет, Уильям, не бегай ими по нашим карманам. У нас этого нет... Но... У нас есть кое-что повкусней.

Уильям затравленно проследил за движениями темнокожего качка.

– Макс, ну ты даешь! Хорош!.. Не опускай его... – вступился один из сидящих парней, непримечательной внешности.

– Да нет, – растерянно встрепнулся Макс, забежав глазками по окружающим. – Ты как всегда в своем репертуаре, Кларк. Наша бодрствующая совесть. Мне просто интересно, до какой грани можно дойти. Это относится и ко мне, и ко всем нам. И где будет твоя последняя черта, которую позволят переступить лично тебе, друг, – хищнически посмотрел он на Кларка. – Уильям, ты пришел сюда за тем, чего здесь и в помине нет. У нас престижный закрытый клуб. Тебя пустили лишь из-за того, что ты здесь выступал со своей группой. Мы можем лишь дать денег, на которые ты сможешь взять то, что требует твоя плоть... Возьми его, Уильям.

– Только бери нежно, – хихикая смешком гиены, бросил слова рядом сидящий с Максом, блестящими глазками поглядывающий на стол хозяина с белой дорожкой, – Вот черт! Никогда бы не подумал, что каким-либо способом свяжу себя с творчеством... И буду давать ему в рот!

– Да, Уильям. Ты весь дрожишь. Тебе нужна доза, – продолжал спокойно говорить Макс. – Но ты нигде не сможешь на нее заработать за ближайшие несколько часов... Кроме, как у нас... Приступай.

– Да! Пустим по кругу СУКУ! Порвем на британский флаг!

– Закрой пасть, когда я говорю, – еле сдерживая себя, чтобы не перейти на крик, процедил Макс, окинув холодным взглядом рядом сидящего услужливого подстрекателя. – Уильям-я-я-я? Ты нас не слышишь?

– Ну и мразь же ты, Макс, – встал между Уильямом и Максом непримечательный Кларк.

– Уильям, – позвала его психолог. – Прошу Вас.

– Вы излечите мою душу?

В недалеком будущем...

– Борьба... До последней капли крови.

– С кем?

– С самим с собой. А потом и с остальными.

– Кто здесь герой, друг мой?

– Уже не я. Я бросаю вызов этому гнилому миру! Миру, где мать запросто может бросить своего новорожденного ребенка в общественное отхожее место. Миру, где могут пролить чужую кровь, только лишь ради своего самоутверждения... Да уже и своих не щадят. Чужие могут дать отпор, а среди своих, слабых, да малых, почему бы не показать силу? Вот уж где можно оторваться! Как какой-нибудь допотопный князек измывался над бесправной челядью. А теперь князьки масштабные, реальные, воочию всеми видимые! Стада бессловесного не счесть. Потери не заметят. Эка невидаль! Скотине не привыкать. А эти, от безысходности, срываются на своих семьях. От бесправия своего звереют. Теряют человеческий облик, и выставляют это на показ. На обозрение через нововведенные игрушки, которые кинули, как первобытным побрякушки, чтобы совсем умы отвести от реальности. Мы потеряли живое общение друг с другом в приятной беседе. Все теперь происходит на расстоянии, по переписке. Потеряли связь с природой, – и все это подконтрольно: мысли, души, через эти сатанинские цапки, которые не даны во благо. Загнали человека в клетку. Он теперь и глаз поднять не может от своих гаджетов. Вот на что молится! В руках держит электронные игрушки, и глаза устремлены лишь туда: на ходу, сидя, лежа. Уже и взоры забыли наверх поднимать, на те же звезды. Глаза устремлены на идола электронного, пьющего вашу энергию.

Разве можно назвать эту планету колыбелью человечества. Это, скорее всего, исправительная колония космического мусора. Где продавали и продают чужие жизни, подобно обычному коробку спичек. Где могут молиться Богу, а потом тут же рвут на части смиренно упавшего рядом изгоя. Попробуй додумать сам, что творится в этом мире. Сколько мучеников и жертв. Сколько пыток и боли, которые мы даже не можем представить. Мир, где не осталось никаких духовных ценностей, где, как вы утверждаете, настала полная свобода. Но та ли эта свобода, о которой мы все кричим?

– Кто же ты?

– Тот, кто решил донести о такой видимой реальности, и которую не все замечают.

– А кто на самом деле?

– Тот, кто бросит вызов всем. Тот, кто может назвать таких зверей, так кричавших о свободе, при этом сидевших в клетках и жаждущих лишь свою очередную жертву, чтобы разорвать ее... Назвать этих зверей я могу лишь червями. Ползучими червями – с ними нельзя играть или наблюдать со стороны. Ибо они подползут, и ты не заметишь, как они уже будут жрать твои ноги. Придется уничтожить и тех, кто засмотрелся на них, загораживая, таким образом, тебе дорогу. Дорогу твоим стопам, которые должны раздавить этих червей. Всех, кто хотя бы начинает сомневаться – стоит ли топтать этих тварей – все они достойны...

– Ты не Картер. Ты под момент мастерски воспользовался ситуацией и занял его место. Но призываешь делать совершенно иное, чем то, к чему призывал Апостол. Ты сам озлоблен из-за того, что произошло с твоей семьей. В тебе нет силы прощения, как у Картера. Ведь и он потерял своих близких. Почти каждого из находящихся здесь, затронула такая судьба. Правительств, состоящие из слуг высшей расы, оставили на поверхности ненужную им биомассу – тех, кто не представляет для них ценности. Все же те люди, что под землей, которых отобрало «всевидающее око»: инженеры, врачи, генетики, полезные для правительства умы, каждый выдающийся в своей области – всех их загнали с их семьями в бункера.

– Хорошо, если так. Там нет места лишним. И никто, у размещенных там, не спрашивал согласия, хотя бы они туда или нет...

– Все они достойны жизни! Они взяли именно таких, которые дальше могут восстановить жизнь на поверхности.

– Помимо выдающихся умов, отобранных почти из каждой мирской профессии, которых ты призываешь не уничтожать, ты забыл про элиту, что присела на свои тепленькие места, и в дальнейшем будет также пользоваться всеми благами – и такая элита нужна высшей расе, как надзиратели на зоне. Радует во всей этой ситуации лишь то, что на силу эту темную, что правит нашим миром, есть сила пострашнее. Они давно знакомы между собой. Не раз мерялись силенками. Но нам от этого не легче. Ведь наша планета занимает место форпоста в системе «Млечный путь». У них здесь типа пиратского пункта, где они окопались и, укрывая его под озоновым щитом, прячутся от Высших. Последний их рубеж отступления. Ползучие черви попрятались в норы. Грядет буря.

– Ты не можешь просто взять и уничтожить всех. Все они имеют право на суд...

– Право на ликвидацию! На какой суд? На тот, что прошли мы все? И который еще предстоит пройти? Не может быть никакого снисхождения. Там все заражены. Даже те, которых загнали силой. И даже если они выйдут на поверхность, они не посеют доброго зерна. Все будет монстрообразное. Забудьте о том, что было встарь. Человеку телесному уже не будет места на земле. Все синтетическое, электронное. Зараженные гибридные злаки, с человеческим геномом. На протяжении многих лет, мы пожирали себе подобных, думая, что употребляем в пищу простой хлеб. И это было только началом. Я просто поражаюсь вашей напускной наивности. И я не буду молчать, делая вид, что даю вам снисхождение, как своим соратникам, если вы чего-либо недопонимаете, или же вы так тупы. Действительно, вы глухи и слепы! Здесь есть только два полюса – да, или нет. Не может быть заискивающих друг другу улыбок, что «ну да ладно, как-нибудь разберемся». Нет места сантиментам! Пришли уже к разбитому зеркалу жизни. Мы – осколки этого зеркала. И эти осколки тоже будут уничтожать, чтобы не было улик. Чтобы ничто не напоминало о том прежнем, что было. Неужели вы не понимаете этого?

– А разве те, кто внизу, не относятся к осколкам нашего оставшегося общества? Разве мы все не одна суть? Разве мы все не люди?

– Кто сказал, что мы все люди? Ты это проверял? Кто ты, чтобы это утверждать? Ведь тебя даже не удосужились, такого умника, припрятать до лучших времен.

– Ты хочешь притворить в жизнь то, о чем нас предостерегаешь. А что они могут сделать? Они всего лишь жертвы, брошенные в клетку к зверю. Никто не дал им даже шанса бороться с этим Зверем. Осколки... Они лишь осколки этого большого мира. Как ты и сказал, мы все осколки одного большого стекла, которое разбили... и повергли в прах. Ты не можешь знать боль каждого. Ты не можешь судить всех.

– Я буду собирать оставшихся на поверхности, затерявшихся. Буду собирать эти осколки, как и Апостол. А те, которые порежут мои руки – я раскрошу над огнем нашей борьбы за жизнь собственными же руками!

– Он боролся не за это. Ты встал на его место, поднял с земли его жезл – его труд, и все молча, согласились с твоим лидерством. У тебя не хватит сил. Ты не прав, решив создать мир, уничтожая при этом тех, кому ты даже не даешь шанса. Наш приход сюда был ошибкой. Сегодня мы покинем это место.

– Я даю вам шанс, показав тем самым, что я не душегуб, как ты сейчас кричишь обо мне. Это ваш выбор. Дороги назад не будет. Война давно началась. Лишь подающие чистый отблеск света осколки придется собрать... Или раскрошить их до первичного состояния – песка.

Настоящее...

Высоко в небе проклекотал сокол, громко предупредив своим кличем о наступающем урагане. До рассвета было еще пару часов. Холодные пески пустыни начали вздыматься к небу, все быстрее сливаясь с мощью ветра, который изрядно торопился закрутить колючий песок в

спираль. Ночная пустынная буря никогда не щадила заблудившихся путников. На своем пути она старалась засыпать даже небольшие города: била старые крепости и башни, желая похоронить человеческий след под жадно пожирающими песками...

Буря заслоняла силуэт города.

– Песок пробивается и засыпает окна и открытые проемы. Что будем делать? Я дальше своего носа ничего не вижу.

– Я что-то чувствую.

– Это просто паника... Все хорошо, – скорее успокаивая самого себя, проговорил один из постовых, потирая руки в военных перчатках. – Сейчас присядем на свое место и дождемся поручений от командира... Эй! Ты куда?

Второй постовой аккуратно вошел в открывшуюся расщелину между громадными воротами, окончательно скрывшись из виду напарника.

– Зачем ты открыл их? Стой!

– Кто здесь? Кто во тьме?! – стоя перед городскими воротами, военный испуганно навел автомат на бурю, что густым, обволакивающим непроглядным ковром, носила по пустынному пространству колючий песок. Буря, словно живая, бесилась и металась, заваливая город холодными песками ночной пустыни. Яркий луч фонаря военного не мог прорезать неостанавливающуюся песчаную канитель, еле просвечивая всего пару метров. Песок – прах древней земли, больше напоминающий рябь испорченной старой пленки живым заунывным голосом сливался с гулом басистой бури. Он шевелился, поддаваясь ее напору, и дрожал, не надеясь устоять под бьющим натиском разбушевавшейся стихии. Эти древние пески были закалены зноем дня и холодом ночи. И вот теперь им пришлось испытать жар, который не доводилось испытывать раньше. Люди принесли его. Жар войны. От огня, созданного людьми, от орудийного шквала, несущего страшную смерть и истребление, песок расплавился, покрывшись стеклянной коркой. От тяжести ступающего по нему человека, опаленный наст затрещал. И среди этой живой ряби солдат увидел в свете фонаря искрящиеся осколки. Это были затвердевшие слезы песка от прошедшей здесь войны. Она прошла всепожирающим огнем по песчинкам, что составляли бескрайнюю могущественную пустыню, и спаяла их на век, превратив в колючие осколки. И песок заплакал, вздымая к небесам свои опаленные слезы. Солдат, протянул вперед руку, словно хотел защититься от наступающего зверя из густой движущейся тьмы, куда не мог пробиться свет фонаря. Древняя земля, что высушенным прахом своим так изрядно старалась засыпать все живое, посягнувшее на ее тайны, словно специально била в лицо и глаза самыми острыми, иссушенными осколками своего тела, как будто очень сильно желала скрыть и упрятать в своей мертвой утробе кого-то...

– Кто здесь?

Что-то промелькнуло во мгле.

– Я буду стрелять!

Военный, оглядываясь вокруг сощуренными глазами, с трудом вытащил ноги из уже успевшего засыпать их тяжелого песка.

– Крот, что там у тебя? – зашипело в рации. – Быстро вернись обратно, мать твою! Богом клянусь, я...

– Выйди ко мне!

– Даже и не думай. Я не выйду туда. Вернись на пост! Если Роберт узнает об этом...

Крот выключил рацию и сделал два шага вперед, не отводя глаз от прицела.

– Что за...

Совершенно в противоположной стороне, где он заметил какое-то движение и медленно пробирался туда, промелькнул чей-то силуэт. Точно песчаные призраки играли с ним, и, на секунду показав себя, снова укрылись колючей непроглядной метелью.

– Какого хрена? – он рассеяно водил автоматом в густой движущейся ряби, пытаясь слышать в вое бури хоть какой-либо иной шум.

– Мама?... Лора? – глаза настолько устали от движущейся ряби, что непроизвольно закрылись, невероятная паника окутала его сознание. Он улавливал лица своей матери и сестры.

«Ты умрешь, – еле доносящийся шепот доходил до него. – Умрешь...»

– Этого не может быть... Нет...

«Они уже с нами. Приняли нас. Приняли через согласие на твои деяния. Благодаря лишь этому, Донни, у них не было даже шанса. Город опустел. Твой дом, Крот. Твой двор. Ветер гоняет твои пустые детские качели, и больше никто не сядет на них...»

В глазах кадрами всплывали его детские качели, на которых он катался со своей сестрой, на фоне ярко светившего солнца. Пустые качели эти тихо раскачиваются на ветру и вдруг...

– Нет...

В духовном видении его они быстро покрываются ржавчиной, а вокруг, у подножия качелей, стремительно разрастается трава. Солнце опускается к горизонту...

«Он идет за тобой...»

– Бывает, мы, однажды, совершаем опрометчивый поступок, а затем боимся посмотреть в глаза обществу... Своим родным, друзьям, близким людям. Боимся, что все они не простят и больше не примут нас. А главное, мы забываем, что первый кто не может простить себе этот поступок, так это мы сами. Поступки бывают разные. И большинство из них можно просто переступить. Забыть о них, словно их не было в вашей жизни. Мы не замечаем, как, не прощая себе свой маленьких промах (а для нас он кажется таким важным), все глубже увязаем в болоте. Не стоит корить себя тем, что возможно отпустить. Не стоит все усугублять. Сегодня ты споткнулся, а завтра может все настолько измениться, что ты и сам не сможешь поверить в происходящее, которое нагрянет для каждого или громом... или радугой. В мире нет ничего идеального. Не надо стараться быть идеальными. Нужно лишь быть правильными. И если ты стремишься быть правильным, неважно, споткнулся ли ты на своем пути или грохнулся лицом в грязь, но главное, что снова должен подняться... Рано или поздно, ты все равно покажешь свое истинное лицо, куда бы тебя не занесло.

– Что если самый дорогой тебе человек отвернулся от тебя, и больше не дает тебе шанса?

– Значит это не тот человек, кем ты должен дорожить. Если он дорог тебе, дай ему еще шанс обрести веру в тебя, и будь уверен в себе. Не вини себя в том, что от тебя отвернулись. Человек, который дорожит вами, поймет, когда вы пытаетесь выкарабкаться из ямы, в которую попали, а когда просто играете на его чувствах. Верный спутник будет до конца вашей опорой в этой жизни. Никогда не надо стремиться быть с кем-то, а особенно с теми, кто даже и не смотрит в вашу сторону. Будьте независимыми. Нельзя никогда на кого-то надеяться в этом мире. Особенно на тех, кто больше всех старается внушить тебе доверие. Этих людей вы должны опасаться больше всех. Значит, обязательно где-то будет подвох. Это уже просто изучено, пройдено мной. Один раз я спросила своего давнего знакомого... – она опустила лицо.

– О чем спросили? – заинтересованно вымолвила рыжеволосая девушка, сидевшая прямо напротив нее. Остальные девять пациентов, в том числе и Уильям, в молчании наблюдали за психологом.

– Я спросила его: «Почему ты такой? Зачем, когда есть возможность сделать хорошее, ты наоборот, делаешь плохое?»...

– А он сделал что-то плохое вам лично? – обливаясь потом, спросил почти двухметровый лысый худощавый мужчина с язвами на лице. Глаза его были неадекватны: зрачки расширены, все время бегали по лицам сидящих в кругу.

– Он знал причину моего вопроса... И он ответил: «Мне не дали возможности быть хорошим. И таких, как я, большинство... Отвернувшихся. Ушедших от справедливости и Бога.

Держи со всеми дистанцию. «Не подпускай близко к сердцу ни жену, ни детей» – совет моей матери», сказал он мне, а затем добавил: «Человек в нашем мире стал таким, что никогда не знаешь, когда твой самый близкий друг, брат, твоя вторая половинка, человек, что стал твоей душой, на которую ты молишься и для которой живешь, превознося выше богов, воткнет тебе нож в спину, и это всегда будет в самый неожиданный момент. Сейчас все ваши друзья с вами лишь потому, что им так удобно. Ваши жены, знакомые, друзья и родственники с вами лишь потому, что с вас можно что-то взять, а взять можно многое, даже духовные силы...». В некотором смысле я его поддерживаю. Моя мать всю жизнь искала своего отца. Ее имя как будто специально было дано ей... Надежда.

В тот день, когда она, наконец, нашла его, то разрыдалась в голос, подобно маленькой девочки. Громко всхлипывая... и отрицая, что это произошло. Она так ждала этой встречи! Но не здесь... Хотела прижаться к его плечу, надрывно заплакать, а затем посмотреть в отцовские глаза своим все тем же, как когда-то давно, наивным взглядом маленького ребенка, и он бы тихо произнес, что все прошедшие годы расставания были лишь страшным сном, и теперь – все позади. Она хотела улыбнуться, ведь от ее улыбки он всегда так радовался и смеялся! Подхватывал ее и кружил с ней до тех пор, пока уже не падал вместе с ней на яркую зелень, высоко держа своего дитя в крепких руках... Глядя в ее глаза, отец говорил, что никогда не даст ее в обиду, всегда будет рядом. Она винила себя, просила прощения, и не понимала в чем же ее вина, зачем ее мать, на протяжении стольких лет, закрывала лицо руками и начинала подвывать в голос, в пустой квартире, вновь вспоминая своего мужа... И вновь, и вновь проклиная весь мир, разрывая семейные фотографии, винила также и свою дочь... В чем же была ее вина? Или это просто так выражалось отчаяние? Разве это единичный случай, когда в своей неудавшейся жизни, взрослые часто находят виновных в лице своих детей? Ведь тогда их дочка была совсем малюткой. Что же, что она натворила?!..

Надежда, рыдая, кричала в тишине пустого кладбища, чтобы он услышал ее и дал ответ. Упала на колени, стуча по давно заросшему бурьяном, неприметному холмику, произнося лишь одно слово: «Зачем?! Зачем...»

Пошел дождь, и взрослая женщина, с годами приобретающая на своем лице глубокие морщины и давно потерявшая цвет своих когда-то пышных волос, бережно убирала ладонью холодные капли с бурых листьев, обвивших заброшенный могильный холм, словно утирая слезы с жалостливо глядевших бы на нее глаз...

– Папа... Все хорошо, не плачь... Твоя маленькая дочка нашла тебя...

Она вытащила из седых своих прядей красную розу, сотканную из цветного шелка. Отец подарил ей эту розу, заплетя в ее когда-то черные, как смоль волосы, а затем так задумчиво посмотрел на свою малышку... перед тем, как навсегда уйти.

Надежда положила пронесенную через года розу на старую могилу, с потрескавшейся землей, по трещинкам которой оживленно сновали муравьи, и молча ступила к заросшей тропинке...

Он бросил свою семью, просто сбежал. Каждый раз, когда Надежда оставалась одна, в то время, когда моя бабушка Гала впахивала на заводе, в горячем цеху, маленькая Надя выходила и искала своего отца по стройкам, где он обычно подрабатывал. Тот завод не прошел бесследно для Гали. К пятидесяти годам ей ампутировали ногу, а чуть позже она получила инсульт...

Как-то, в один из вечеров, когда Гала попала в больницу, Надежда, снова так и не дождавшись с работы отца, который сказал ей, что сегодня обязательно вернется к вечеру, вышла из дому и поплелась на одну из строек. Вся заплаканная, в легком платице в морозный вечер, ей тогда было пять лет, бродила среди полупостроенных зданий и спрашивала у рабочих, работающих в смену: «Вы не видели моего папу? Он такой высокий, кучерявый». Многие, с удивлением глядя на девочку, отвечали, что не видели, отводя в сторону посуровевший взгляд. А, одни, какие-то пьяные местные бродяги, усмехаясь над ребенком, кричали: «Эй, маленькая

женщина, иди, мы посадим тебя на палку!». Тыкали в ее сторону арматурой, смеясь и предлагая помочь сесть на металл. Странно, что они ее не тронули в тот вечер. Малышка побрела дальше, спрашивая у редких прохожих о своем отце. Замерзшая и заплаканная, она наткнулась на одну женщину. Плача, она пару раз дернула ее за подол и та обернулась...

– Вы не видели моего папу? – с глаз ее градом катились слезы.

Женщина, обернувшись, в удивлении села на корточки перед моей маленькой мамой. Утирая ей слезы, она растерянно спросила.

– Маленькая моя... Солнышко... А ручки какие холодные, о, Господи... Кто твой папа? Как ты здесь оказалась?

Психолог Ольга так проникновенно поведывала им эту историю, что у некоторых пациентов, расположившихся по кругу, на глаза накатились слезы. Среди растрогавшихся был и Уильям. У одного из посетителей был отупело-непроницаемый взгляд. Хотелось верить, что этот человек прислушивался к тому, что в этот момент происходило у него в душе.

Словно в бреду, дрожа от холода, маленькая Надя произнесла, сквозь хныканья:

– Мой папа такой высокий... кудрявый. Вы не видели его? Он должен был давно прийти, а его все нет...

– Ты не должна здесь его искать. Ты знаешь, где ты живешь? Наверное, он тебя уже ждет дома...

А в это время мой дедушка охмурял свою очередную пассию...

Его жена уже ничего не говорила ему, когда каждый вечер он наряжался, забирая с собой магнитофон, и уходил из дому. Много раз она заставляла его с другими женщинами прямо в супружеской постели. Когда она выходила на работу, за спиной ее многие женщины смеялись, тыкая пальцем в ее сторону, и обсуждая очередные похождения ее мужа. В последние дни, после длительных отлучек в другие города, мой дед мог сесть за стол, поставить бутылку водки и запросто ее осушить (это было так дико для маленькой Нади: она смотрела на него широко раскрытыми глазами), а потом он снова надолго исчезал со своим неизменным чемоданчиком. Как-то раз, моя красавица бабушка пришла домой, и первым делом посмотрела в угол, где обычно стоял чемодан (дед даже не удосуживался проносить его в комнату, настолько кратки были его визиты), и не найдя его, спросила у своей маленькой Нади: – А где отец?

– Он снова ушел.

Послышался грохот.

Это бабушка у порога упала навзничь, не произнеся ни звука.

Мой дед даже и не думал меняться, несмотря на то, что его верная жена так ждала этого. А потом он просто исчез... И уже навсегда. Но вместо ее мужа пришли совсем иные проблемы. Люди, которые запросили с нее долг. Мой дедушка оказался картежником. Но это и не было новостью. В свое время он проиграл даже подушку, которая лежала под головой его новорожденного ребенка. Помимо вечных донжуанских походов по женщинам, он регулярно играл в карты на деньги. Он проиграл немалую сумму, а затем просто исчез, повесив все долги на свою семью. Долго еще Гала выплачивала все эти деньги, живя впроголодь со своим ребенком... Помню, как они рассказывали, что бывали дни, когда у них не было в доме даже кусочка свежего хлеба. И приبلудная кошка отказалась есть черствый кусок сухаря, которым они хотели с ней поделиться. Невольно осознавая собственное положение, бабушка в сердцах на нее крикнула: «Жри, сука, нищенка, то, что мы едим!». Они долго потом над этим смеялись, когда вспоминали. Моя мать рассказывала, что буквально чувствовала, как ее кишки прилипали к желудку, перекручиваясь внутри нее. Однажды, стоя во дворе, ее схватили такие спазмы, что она согнулась пополам, и при этом голодном спазме присутствовала ее соседка. Та тактично предложила ей поест супчика, который она приготовила для своей большой семьи,

проживающей в одной маленькой комнатухе. Там все ели из маленьких порционных тарелок, также и глава семьи, который один смотрел всю эту ораву: пятерых дочек, жену, и, вдобавок, приемного племянника. Несмотря на малюсенькую жилплощадь и скромный заработок, отец семейства все надеялся на рождение наследника. Только вот его заветная мечта никак не осуществлялась. А жена лишь нежным голосом приговаривала: «Большая семья – чем не счастье? Дети с самых ранних лет стоят горой друг за друга. Слушаются и помогают маме. И просто обожают своего папу!». Их папа уже напоминал длинную тонконогую цаплю. Ему приходилось постоянно работать, чтобы прокормить эту вечно хотящую жрать семеруху. А племянник рьяно следил, чтобы не пропустить после супчика второе. Он обычно, после того, как быстро проглатывал жидкое варево, громко вскрикивал: «А втлое?!» – он плохо выговаривал слова. И тут же при этом получал смачную оплеуху от старшей девочки, отчего у него мгновенно проступал багровый отпечаток крупной пятерни. Он высоко задирает голову и начинал орать диким ревом. «Вот тебе второе» – довольно проговаривала старшая девочка. Девочка была на несколько лет старше остальных детей, и ее все дико боялись. Она напоминала крупного регбиста. И вот и моей маме тоже предложили отведать их семейного полупустого супа, разлившегося в ее желудке благодатным теплом. А в месяц по два раза приходили эти амбалы, которым задолжал ее отец, и забирали под расписку все, до последней копейки...

И после всего пережитого, Надежда все равно искала его, вглядываясь в далекий блеск звезды, на которую он когда-то указал ей, произнеся при этом: «Если ты когда-то будешь думать обо мне – посмотри на эту звезду. Я тоже буду смотреть на нее, и думать о тебе, доченька. Только никогда не делай глупостей в своей жизни. Смотри, чтобы у тебя не было никаких сигарет и никаких выпиваний», – нравоучительно произнес он. И она ждала его всю свою жизнь, борясь с ничем не заглушаемой тоской, по своему отцу...

Каждый человек будет хотеть больше, чем должен иметь. Так уж сложилось на этой земле, хотя это не ко всем можно отнести. Даст ли положительные результаты то, когда ты всецело отдаешь себя другому, забывая о своих потребностях? Забывая о своей гордости и достоинстве. А ведь, возможно, только и нужно, что жить для себя. Тогда не будет больших заморочек. А что это такое – жить для себя? Если ты выбрал путь служения во благо другого, значит, ты находишь в этом и свое удовлетворение. Тогда, к чему все эти жалобы? Чтобы доказать всем, какой ты альтруист? Не нравится – поменяй все. Примеров найдется много. Или показать, какие вы самоотверженные родители или верные друзья? При каждом удобном моменте озвучивающие свои благие дела. Объясните мне, я не могу найти ответ. Это я сейчас так говорю, когда много раз падала, но ответственность и любовь всем сердцем к тем, кто у вас обязательно должен быть, заставляла подниматься. Ни смотря на то, что вы израните всю свою душу, когда вам кажется, что ничего хорошего и не намечается... Все равно ничего не получается – ни так, ни сяк. В этом вы будете познавать себя: кто же вы? Вот в этом и есть суть. Вот в этом и явится твоя истинная сущность. Тебя может кидать во все крайности. И в огонь, и в воду. Но это не сможет уничтожить твою сущность. Если ты человек, ты выйдешь оттуда им. Еще более понимающим и умудренным. Еще более способным сопереживать чужой трагедии, боли и утрате, а не оставаться безучастным холодным зрителем, обывательски потирающим ручки: «Ага, значит не у меня одного все плохо!». В конечно итоге, ты придешь к тому, что и должен был сделать, – хотя бы посочувствовать. Если не можешь предоставить большего. Ведь одно наше слово иногда может окрылить и дать надежду. Только не оставайтесь безучастными. Не вздергивайте плечами, не говорите «не знаю»! Ненавижу, когда люди поступают так. Все все знают. Вы можете хотя бы поговорить. Обсудить проблему. Как я ненавижу холод равнодушия, который вы напускаете на себя! А общество все больше напоминает стаю, где ждут, когда кто-то упадет, чтобы накинуться на поверженного. А найдется ли среди вас тот, кто встанет с ним рядом, чтобы он почувствовал вашу силу и немного окреп, пока вы сдерживаете своим презренным взглядом подступающую свору?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.